

УДК 94(47+57):316.3/4(571.1)''19/20''

DOI: 10.17223/19988613/48/3

А.С. Ворошилова

МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И «БОРЬБА ЗА ПАСТВУ» В ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ДЕРЕВНЕ СИБИРИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX в.

Рассматриваются межрелигиозные взаимоотношения мигрантов томско-чулымского региона в период конца XIX – начала XX в. Предпринимается попытка оценить эффективность действий конфессиональных групп по увеличению паствы и «наращиванию» своего влияния с позиций повышенного или пониженного «социального доверия». Анализируются документально зафиксированные случаи столкновения интересов различных религиозных сообществ переселенческих деревень Сибири, влияние религиозной политики власти и пути выхода из конфликта.

Ключевые слова: «социальное доверие»; межрелигиозные взаимоотношения; таежная Сибирь; переселение.

История Сибирского региона периода массовых миграций населения рубежа XIX–XX вв. активно изучается уже на протяжении нескольких десятков лет. Проблематика публикуемых исследований разнообразна, и помимо традиционных тем, связанных с появлением новых переселенческих деревень и поселков, организацией крестьянского хозяйства, сосуществованием разных этнических групп мигрантов, авторы начинают интересоваться эвристические возможности новых теорий и методик междисциплинарного характера при изучении различных аспектов переселенческих процессов (этно- и социокультурная и психологическая адаптация, адаптивные стратегии, выстраивание религиозного ландшафта переселенческих территорий) [1–6]. В отдельную группу можно выделить работы, посвященные духовной сфере переселенческих и старожилов сообществ, в рамках которых исследователи обращаются к таким вопросам, как церковное строительство, особенности устройства православных приходов, этноконфессиональная принадлежность старожилов и мигрантов и др. [7–10].

В этом отношении интерес представляет рассмотрение взаимоотношений групп мигрантов, различавшихся по религиозной принадлежности. На примере одной из сибирских территорий – томско-чулымского региона – мы имеем возможность проследить, каким образом консолидировались различные конфессиональные сообщества, охарактеризовать их взаимоотношения и методы «борьбы за паству» в условиях массового наплыва переселенцев.

Выбор данной территории в качестве «площадки» для рассмотрения межрелигиозных взаимоотношений мигрантов обусловлен несколькими причинами. На рубеже XIX–XX столетий реальное управление этой территорией – географически удаленной от губернского центра – оказалось фактически распределено между православным духовенством и различными старообрядческими деноминациями – часовенными, поморскими, странниками, «белокриницкими» [11]. Крестьянские переселения начала XX в. не только усложнили «конфессиональную карту» территории за счет

приехавших сюда сектантов (баптистов, штундистов, молокан), но и приводили к столкновению интересов. Корпус официальных синодальных и консисторских материалов позволяет выявить основания и последствия «борьбы за паству».

Представляется, что реконструкция этих процессов возможна через призму концепции «социального доверия», предлагающей оценивать их результативность с помощью соотношений «социально обобщенных ожиданий» и «исполнения обещаний» [12. С. 12–13]. Такой подход объясняется тем, что «доверие осуществляет функцию связи человека с миром в единую систему» и «создает эффекты целостности бытия человека, личности, взаимодействия человека с миром; устанавливает меру соответствия поведения человека, принятого решения, целей, поставленных задач как миру, так и самому себе» [13. С. 235]. Принимая во внимание рассуждения Э. Кассиера о символичности социального мира [14. С. 470] и Дж. Хоскинга о способности религии создавать дополнительные ресурсы для обеспечения доверия и складывания на этом базисе коллективных форм идентичности [15], полагаем, что религиозный фактор следует учитывать при анализе способов воздействия «старых» и «новых» конфессий томско-чулымского региона на потенциальных неофитов.

Особую остроту ситуации придавало падение на рубеже XIX–XX столетий в таежной части Сибири авторитета русской православной церкви, отраженного, помимо прочего, ростом жалоб на священнослужителей [16]. «Неканоническое поведение» священников объективно вело к утрате доверия к ней крестьян-переселенцев и переориентации их на идентификационные программы других конфессий, вероучение и поведенческие стратегии которых могли представляться им более адекватными условиям жизни и хозяйствования в таежной зоне.

Поэтому, вопреки стремлениям Синода сохранить «систему доверия» между местным духовенством и православным крестьянством, отсутствие необходимых ресурсов превращало все проекты по повышению влияния на переселенческую деревню в мероприятия,

имеющие сомнительную эффективность. Строительство церквей и причтовых домов из-за отсутствия у новопоселенцев необходимых денежных средств тянулось годами; назначение священников, неспособных работать в тяжелых условиях переселенческих (бедных, конфессионально разношерстных) сел, провоцировало перманентный кадровый дефицит, что нередко сводило на нет все попытки епархиального начальства противостоять влиянию «раскольников» и сектантов.

Неэффективность создаваемой системы во многом была обусловлена тем, что русская православная церковь функционировала как институт с жесткой иерархией, в котором ключевую роль играл центр, и любые действия приходских священников, в том числе имеющие ограниченное, локальное значение, должны были согласовываться с вышестоящими инстанциями. С одной стороны, в условиях труднодоступности и удаленности переселенческих поселков от губернского центра даже оперативное информирование епархиального начальства о ситуации на местах оказывалось невозможным; с другой – сама епархиальная система, тесно связанная с государственной властью, была зачастую несамостоятельна в своих решениях.

Напротив, старообрядческие сообщества региона с более простой управленческой структурой обладали свободой действий и имели больше как идейных, так и материальных возможностей для увеличения своей паствы. Как ни парадоксально, но этому, по мнению губернских чиновников, способствовал указ от 17 апреля 1905 г., провозгласивший «укрепление начал веротерпимости», за которым последовали активное распространение «новых сект, толков и учений», появление «толкователей, учителей, проповедников, реформаторов», чья деятельность была направлена именно на «духовно-религиозную сторону жизни». [17. Л. 6] Дарованные права и льготы позволили староверам открыто искать пути для увеличения своих общин среди населения переселенческих приходов, а новые правила регистрации и открытия старообрядческих общин¹ – объединяться в более крупные единицы и добиваться признания юридических прав и самостоятельности [19. Л. 41].

Следует отметить региональные особенности в процессах легализации томско-чулымского староверия. Например, для староверов-странников, принявших догмат о воцарении антихриста и необходимости ухода «от мира» в таежные скиты, запись в «реестре старообрядческих общин» означала отход от базовых положений вероучения и потому сознательно игнорировалась, но для представителей других старообрядческих соглашений – «белокриницких», часовенных, поморцев – дарованные свободы означали, прежде всего, возможность открытого исповедания веры.

«Укрепление начал веротерпимости», инициированное Николаем II, отчасти отразилось на взаимоотношениях между различными конфессиями рассматриваемого региона и привело к столкновению интересов на разных уровнях – православных священников и

миссионеров, староверов и сектантов, с одной стороны, и внутри отдельно взятых религиозных сообществ (например, старообрядческих деноминаций) – с другой.

Эффективность действий той или иной конфессиональной группы по увеличению паствы и «наращиванию» своего влияния зависела от присутствия сильного авторитетного лидера, наличия помещения для богослужений и священных артефактов – старопечатных книг, древних рукописей и икон. Например, томско-чулымские странники располагали не только рукописным Прологом конца XV в., изданиями конца XVI – первой половины XVII в., но и грамотными толкователями христианских текстов [20]. Естественно, схожий набор авторитетных книг и сопоставимый уровень подготовки наставников-полемистов мог усиливать остроту противоречий между религиозными сообществами региона.

Сложное пересечение этих процессов и устремлений открывает комплекс материалов Томской духовной консистории о строительстве часовни в пос. Ново-Николаевском Ново-Кусковской волости, входившем сначала в Ново-Кусковский, а позднее в Митрофановский приход.

Решение о возведении часовни документально зафиксировано в предписании Томской духовной консистории благочинному В. Ильинскому от 1904 г. и, видимо, связано с активизировавшимися переселениями по программе освоения края П.А. Столыпина и появлением в поселке новых крестьянских семей. Несмотря на то, что в приговоре сельского схода от 25 февраля 1904 г. крестьяне, желающие построить часовню собственными силами, называют себя православными, есть все основания полагать, что на этапе ходатайствования прибывшие объединились со староверами. На фоне бедных приезжих новопоселенцев, которым было бы проще и дешевле возвести практически ничем не отличающийся от часовни молитвенный дом, состоятельные представители старожильческого населения в лице староверов-часовенных как инициаторы строительства «на собственные средства» выглядят более убедительно. (Оба типа культовых сооружений не имели постоянного алтаря, и богослужения в них проводились эпизодически, но получение разрешения на строительство часовни предполагало более сложный и дорогостоящий путь из-за оплаты и согласования технического плана.)

Появление часовни было нужно обеим сторонам: православным – для организации своей религиозной жизни, староверам, использовавшим отсутствие постоянного священника, – для привлечения крестьян-«никониан». Причем важно отметить согласованность на этом этапе действий просителей: в рапорте приходского священника М. Овсянникова в качестве суммы денежных средств, которую новониколаевцы предполагали истратить на часовню, был указан *совокупный мирской капитал* (курсив мой. – А.В.) православных и старообрядцев. Но попытка староверов использовать

свое влияние и авторитет провалилась – жителям пос. Ново-Николаевского было предложено возвести все-таки молитвенный дом. Документы не отразили их реакцию на решение властей, лишь зафиксировали коллективное согласие с ним.

После издания указа 1905 г. ситуация меняется и сформировавшееся ранее сотрудничество старожилов-часовенных и новопереселенцев-«никониан» перерастает в противостояние. Подтверждением служит тот факт, что после получения разрешения строительство не начиналось на протяжении нескольких лет, а с 1909 г. в документации по церковному строительству в пос. Ново-Николаевском начинает фигурировать не молитвенный дом, а церковь-школа. Вероятно, это было связано с тем, что на тот момент собранный капитал был потрачен не по назначению, а получить от властей денежные средства на строительство молитвенного дома не представлялось возможным.

Обращают на себя внимание обстоятельства, при которых исчез строительный капитал. Материалы свидетельствуют как минимум о двух версиях происшедшего. Благочинный считал, что «пока это дело [получение разрешения на строительство] ходило взад и вперед, беспоповцы помогли православным [пропить?] собранные деньги на постройку молитвенного дома» [21. Л. 41], а заведующий водворением переселенцев Зачулымского подрайона указывал на желание ново-николаевского сельского сообщества потратить имеющийся мирской капитал на открытие кредитного товарищества. В любом случае «такое положение вещей приводило к радости местных старообрядцев» [22. Л. 17–18].

«Замирающая» постройка молитвенного дома вызвала к жизни еще один проект церковных властей – построить на казенные средства церковную школу. Переориентация не была случайной – церковные школы считались одним из основных средств борьбы со староверием [23. С. 313], поэтому положительное решение по вопросу не заставило себя долго ждать «в виду исключительных условий – по старообрядчеству и отсутствию средств» [22. Л. 11 об.].

Тем не менее строительство снова затянулось на несколько лет, несмотря на неуклонный рост численности крестьян-переселенцев «господствующего вероисповедания» (в 1912 г. они уже преобладали над староверами). Данный факт можно расценивать как невыполнение церковными властями своих обещаний, что вылилось в итоге в некий «протест» прихожан и отклонение от утвержденного плана строительства церковной школы.

В 1912 г. митрофановский священник в рапорте благочинному жаловался, что новониколаевцы вместо обещанных своих 1 500 руб. собрали всего 300 руб. и приступили к строительству «не церкви-школы, а церкви самовольно по измененному плану» [Там же. Л. 51]. В последующих документах дела «церковь-школа» уже не фигурирует, но встречаются слова «часовня-церковь», «церковь», «храм». Видимо, «никони-

ане» поселка, уже доминирующие в составе жителей, проигнорировали решение епархиального начальства, не обеспечившего открытие столь необходимой в «центре беспоповцев» церковно-приходской школы, и вопреки всем бюрократическим трудностям возвели именно то церковное здание, которое им было нужно. Необходимо отметить, что здесь, вероятнее всего, речь идет именно о представителях «господствующего вероисповедания» как инициаторах самовольного отклонения от разрешенного плана, поскольку в рапортах по делу строительства, датированных 1912 г., указано наличие у часовенных и австрийцев собственных молитвенных домов.

Эпизод с новониколаевским строительством наглядно демонстрирует, как наличие конкурентоспособной конфессиональной альтернативы тормозило «исполнение обещаний» епархиальными властями по отношению к своей пастве и в итоге вынуждено привело к ситуации «сниженного доверия». Показательна в этом отношении активная деятельность Михаило-Архангельского скита староверов белокрыницкого согласия (Александровская волость) во главе с иноком Феофилактом, стремившегося к распространению «поповского» вероучения в Сибири и увеличению числа его последователей. Это привело к тому, что таежный монастырь не только действовал как епископская резиденция и «кузница кадров» [24], но стал еще и местом совершения публичных служб и треб для мирян, а сами скитники, в сущности, – приходскими священниками [25. С. 26].

На снижение уровня социального доверия к русской православной церкви в некоторых частях томско-чулымского таежного региона влияла не только близость староверческих общин, но и деятельность начитанных представителей кардинально иных по своей «идейно-конфессиональной» составляющей конфессий. Если вероучение староверов не содержало в себе принципиально отличных от официально признанных догматов и не разрушало «православную идентичность» переселенцев, то зарождающиеся на фоне миграций очаги сектантства были опасны обоим сторонам.

Например, появившаяся в 1904 г. секта баптистов стремительно набирала популярность не только среди поляков-католиков, но и среди православных «униатов». В результате, по сообщению священника А. Кикина, «со времени перехода Шнитки (лидер и инициатор распространения баптистского учения. – А.В.), Важенкова и других католиков в сектантство» были «совращены 8 домов католиков, 7 православных» и прекращено начатое год назад строительство костела [26. Л. 15]. Отметим, что, по данным клировой ведомости за 1899 г. [27. Л. 100], речь шла приблизительно о половине населения деревни.

Епархиальные власти были ограничены в средствах борьбы с сектой. В момент ее активного распространения отсутствовали денежные средства на командировку наиболее осведомленного преподавателя по истории и обличению иноверия И.П. Новикова, а действия при-

бывшего миссионера А. Кикина не достигли нужного эффекта: «Все новые сектанты оказались твердыми в своих убеждениях, а к моим увещаниям и чтениям отнеслись очень индифферентно и с насмешкой, хотя те и другие (увещания и чтения) нисколько не вызывали смеха» [26. Л. 15–16]. Вероятно, усилению влияния секты способствовали действия направленного сюда ранее томского католического священника-ксьендза, который демонстративно сжег Евангелие перед несогласными с ним сектантами-католиками. Это обстоятельство еще более их ожесточило, и лидеры секты Шнитко и Важенков «с особенною яростию стали нападать как на католиков, так и на православных» [Там же. Л. 16 об.]. В документах указывается, что секту удалось ликвидировать, но вряд ли ее члены с легкостью вернулись в «лоно православной церкви».

Все же противодействие сектантам оказалось более успешным, чем староверию, что связано не только с имеющимися инструментами воздействия, государственными по характеру. Не менее существенным являлось еще одно обстоятельство – сектанты не были в этих местах старожилами. В связи с этим требует уточнения в целом справедливое, на наш взгляд, утверждение М.К. Чуркина о высоком адаптивном потенциале «старообрядческого и сектантского сегмента *старожильческого* населения Сибири» [4. С. 25] (курсив мой. – А.В.). История томско-чулымского региона показывает, что в ситуации высокой конкуренции между конфессиями, вероучение которых в равной мере было нацелено на постоянное обновление поведенческих стратегий, именно длительность проживания, значит, степень укорененности и приспособленности к условиям хозяйствования в таежной зоне имела существенное значение. Этим можно объяснить, что оказавшиеся в старообрядческом окружении новопереселенцы – и баптисты, и православные – испытывали сопоставимые трудности при организации собственной религиозной жизни.

Специфика томско-чулымского таежного региона в силу различных обстоятельств позволила сформиро-

ваться полотно разнообразных конфессиональных сообществ, имеющих возможность консолидироваться и увеличивать число последователей практически без препятствий, одним из которых мог быть высокий уровень социального доверия к тому или иному сообществу. Сохранившийся документальный материал раскрывает, во-первых, факторы формирования «системы доверия» в исследуемом регионе (принадлежность к старожильской части населения, исторически сложившееся сильное старообрядческое ядро, наличие более конкурентоспособной конфессиональной альтернативы, отсутствие необходимых ресурсов в борьбе за паству); во-вторых, уровни функционирования этой системы – внутренний и внешний. В первом случае «борьба за паству» разворачивалась в пределах одной конфессии и, например, для старообрядческих согласий означала, прежде всего, численное сохранение имеющейся группы последователей; во втором – между разными конфессиями (причем господствующая и представляющая государственную власть русская православная церковь в силу местной специфики в этом противостоянии оказывалась лишенной преимуществ).

Стоит заметить, что наиболее успешно в томско-чулымском регионе формировали и сохраняли доверие к себе на обоих уровнях общины староверов-беспоповцев. Это подтверждается их устойчивостью в период советской власти. Установлено, что во время активной организации в таежных деревнях политико-просветительских, образовательных пунктов и комсомольских ячеек в местах проживания старообрядческого населения эти мероприятия шли с огромным трудом [28. С. 45].

Имеющиеся данные позволяют предположить, что для комплексного изучения адаптивных практик населения переселенческих приходов в дальнейшем необходимо принимать во внимание не только этноконфессиональные характеристики прибывших в Сибирь крестьян, но и региональные условия складывания и формы проявления системы «социального доверия».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Правила о порядке устройства последователями старообрядческих согласий общин, а также правах и обязанностях сих лиц» были изданы на основании ст. 87 Основных законов Российской империи. Это означало, что они будут действовать до одобрения (или отклонения) Государственной думой и Государственным советом соответствующего указу законопроекта. Законопроект был внесен правительством П.А. Столыпина в Государственную думу 20 февраля 1907 г. [18]. URL: http://www.bogorodsk-noginsk.ru/starover/27_rolly.html

ЛИТЕРАТУРА

1. Коровушкин Д.Г. Этнокультурная адаптация поздних переселенцев в Западной Сибири (конец XIX – первая четверть XX вв.) : дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2004. 223 с.
2. Леончик С.В. Польские ссыльные и польские добровольные переселенцы в Сибири в конце XIX – начале XX века: причины появления, взаимоотношения на новой родине // Польские ссыльные в Сибири во второй половине XVIII – начале XX века в восприятии Российской администрации, переселенцев и коренных народов Сибири : сб. науч. трудов. Омск, 2015. С. 263–274.
3. Дроздов Н.И., Андусев Б.Е. Историческая и психологическая адаптация переселенцев как ключевой фактор формирования социозэкосистемы «Русской Сибири» // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2012. № 1. С. 331–337.
4. Чуркин М.К. Адаптивная ситуация, барьеры и стратегии поведения переселенцев черноземного центра Европейской России (вторая половина XIX – начало XX в.) // Сибирские исторические исследования. 2013. № 1. С. 18–30.
5. Чуркин М.К. Адаптивные стратегии поведения однодворцев в Сибири в 40-е гг. XIX–XX вв. // Вопросы истории Сибири : сб. науч. ст. Омск, 2014. Вып. 10. С. 77–91.

6. Дутчак Е.Е., Васильев А.В., Ким Е.А., Полежаева Т.В. Православный ландшафт таежной Сибири: концепция исследования // Сибирские исторические исследования. 2013. № 1. С. 79–90.
7. Батурич С.П., Батурина Т.В. Роль благотворительного фонда имени императора Александра III в церковном строительстве в Сибири в период массовых крестьянских переселений в конце XIX – начале XX века // Социогуманитарный вестник. 2012. № 2 (9). С. 59–67.
8. Владимиров В.Н., Сарафанов Д.Е. Духовенство приходских церквей города Барнаула во второй половине XIX – начале XX // Известия Алтайского государственного университета. 2014. № 4-1 (84). С. 52–58.
9. Иванов К.Ю. Старообрядческие миграции и Томский край // Из истории освоения юга Западной Сибири русским населением в XVII – начале XX вв. Кемерово, 1997. С. 57–64.
10. Батурич С.П., Батурина Т.В. Конфессиональный фактор крестьянских переселений в Сибирь в конце XIX – начале XX // Социогуманитарный вестник. 2014. № 1 (13). URL: http://vuzirossii.ru/publ/istorija_filosofija/konfessionalnyj_faktor_krestjanskikh_pereselenij_v_sibir_v_konce_xix_nachale_khkh_veka/42-1-0-3433.
11. Дутчак Е.Е., Ким Е.А., Буркун А.О. Крестьянская община и старообрядческий скит: формула притяжения // Православная культура вчера и сегодня: коллект. монография / под ред. Е. Потехиной и А. Кравецкого. Olzdyn, 2015. С. 235–251.
12. Панченко А.А., Богданов К.А. «Теории заговора», история культуры и русская литература // Русская литература. 2015. № 4. С. 8–13.
13. Скрипкина Т.П. Психология доверия (теоретико-эмпирический анализ). Ростов н/Д, 1997. 244 с.
14. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарики, 1998. 779 с. URL: <http://sun.tsu.ru/limit/2016/000038640/000038640.djvu>.
15. Хоскинг Дж. Почему нам нужна история доверия // Вестник Европы. 2002. № 7–8. URL: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2002/7/hosking.html>.
16. Ворошилова А.С. «Неканоническое поведение» священников переселенческих приходов: причины и специфика // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 403. С. 28–33.
17. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 821. Оп. 133. Д. 90.
18. Селезнёв Ф.А. Роль буржуазии в организации всероссийских старообрядческих съездов в Нижнем Новгороде. URL: http://www.bogorodsk-noginsk.ru/starover/27_roly.html.
19. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2305 Л. 41
20. Dutchak E., Vasilyev A. Breathing life into rare book collections: the Digitisation of the Taiga Skit Old Believers' Library // Libri. International Journal of Libraries and Information Services. 2016. Vol. 65, is. 4 (December). P. 313–326.
21. Государственный архив Томской области (далее – ГАТО). Ф. 170. Оп. 2. Д. 3386.
22. ГАТО. Ф. 170. Оп. 7. Д. 115.
23. Иванов К.Ю. Роль церковной школы в борьбе со старообрядчеством в Томской епархии в конце XIX – начале XX века // Мир старообрядчества: материалы междунар. науч. конф. М.: РОССПЭН, 1998. Вып. 4. Живые традиции: результаты и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества. С. 310–314.
24. Приль Л.Н. История томского старообрядчества: епископы и обители. URL: <http://cdnito.tomsk.ru>.
25. Дутчак Е.Е. «Спасайте паству заблаговременно!...»: скитское сообщество в условиях модернизации (1870–1930-е гг.) // Старообрядчество: история, культура, современность. М., 2012. Вып. 14. С. 4–27.
26. ГАТО. Ф. 170. Оп. 2. Д. 3226.
27. ГАТО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 2763.
28. Шигапов С.Р. Советская власть и староверы: развитие взаимоотношений в 1920–1930-е гг. (на материалах Томского уезда) // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 3 (41). С. 44–50.

Voroshilova Anna S. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: Annet1010552@mail.ru

THE INTER-CONFESSIONAL INTERACTION AND «STRUGGLE FOR CONGREGATION» IN A MIGRANT VILLAGE OF SIBERIA AT THE CUSP BETWEEN THE 19TH AND 20TH CENTURIES.

Key words: «social trust»; interfaith relations; Taiga Siberia; resettlement.

The research area of published academic research papers regarding history of Siberian region in the period of mass migration of people at the turn of the XIX and XX centuries is wide. And besides traditional topics, which are related to the emergence of new migrant villages and establishment of peasant households, author of the article are interested in the spiritual sphere of migrant and long-term residents communities. In this regard, the consideration of interactions of different migrant groups, varying in their religious affiliation by the example of one of the Siberian territories – Tomsk-Chulim region, became the aim of this article. In order to achieve that aim the following tasks were defined: to trace the way different confessional communities were consolidating; to characterize their interactions and methods of «struggle for congregation» in the circumstances of mass migration. The corpus of official synodic and consistorial materials became the base of research sources. While comparing its content with basic principles of the «social trust» concept, which propose to estimate the effectiveness of «struggle for congregation» methods with the help of correlation of «socially generalized expectations» and «fulfillment of promises», we have made the following conclusions. Firstly, the effectiveness of actions of one or another confessional group for the expansion in number of congregation and the increase of self-empowerment depended on several circumstances: the presence of a strong and authoritative leader, a placement for workshops, holy artifacts; the availability of financial and human resources; the division of people into «long-term residents» and «new settlers», because in the situation of high competition among confessions, whose faith was aimed to constant renovation of behavioral strategies, the duration of living had the significant effect. Secondly, the remaining documentary material discover factors of formation (the accessory to the long term residents part of population, which historically formed the strong core of old-believers, the presence of the more competitive confessional alternative, the absence of necessary resources in the struggle for congregation) and levels of the «social trust» system functioning in the investigated region: inner and outer. In the first case the «struggle for congregation» was unfolding within one confession and, for example, for old-believe agreements it meant, before everything else, the numerical maintenance of the existing group of followers; in the second case it was happening among different confessions (at that the dominant and representing the state power of Russian Orthodox Church, because of the local specificity, had no advantages in this confrontation).

REFERENCES

1. Korovushkin, D.G. (2004) *Etnokul'turnaya adaptatsiya pozdnykh pereselentsev v Zapadnoy Sibiri (konets XIX – pervaya chetvert' XX vv.)* [Ethnocultural adaptation of late settlers in Western Siberia (the late 19th – first quarter of the 20th centuries)]. History Dr. Diss. Novosibirsk.
2. Leonchik, S.V. (2015) *Pol'skie ssyl'nye i pol'skie dobrovol'nye pereselentsy v Sibiri v kontse XIX - nachale XX veka: Prichiny poiyavleniya, vzaimootnosheniya na novoy rodine* [Polish exile and Polish voluntary immigrants in Siberia in the late 19th – early 20th centuries: Reasons for appearance,

- relationships in a new homeland]. In: Mulin, S.A. et al. (eds) *Pol'skie ssyl'nye v Sibiri vo vtoroy polovine XVIII – nachale XX veka v vospriyatii Rossiyskoy administratsii, pereselentsev i korennykh narodov Sibiri* [Polish exiles in Siberia in the second half of the 18th – early 20th centuries in the perception of the Russian administration, immigrants and Siberian indigenous peoples]. Omsk: KAN. pp. 263–274.
3. Drozdov, N.I. & Anduyev, B.E. (2012) Istoricheskaya i psikhologicheskaya adaptatsiya pereselentsev kak klyuchevoy faktor formirovaniya sotsioekosistemy “Russkoy Sibiri” [Historical and psychological adaptation of immigrants as a key factor in the formation of the socioecosystem of “Russian Siberia”]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astafeva – Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University*. 1. pp. 331–337.
 4. Churkin, M.K. (2013) Adaptive Situation, Barriers and Behavioral Strategies of Immigrants of Central Chernozem Region of European Russia (the second half of the XIX - the beginning of the XX century). *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Research*. 1. pp. 18–30. (In Russian).
 5. Churkin, M.K. (2014) Adaptivnye strategii povedeniya odnodvortsev v Sibiri v 40-e gg. XIX–XX vv. [Adaptive strategies for the behavior of fellow-residents in Siberia in the 40s of the 19th – 20th centuries]. In: Khudiyakov, V.N. (ed.) *Voprosy istorii Sibiri* [Questions of the history of Siberia]. Issue 10. Omsk: Omsk State Pedagogical University. pp. 77–91.
 6. Dutchak, E. E., Vasilev, A.V., Kim, E. A. & Polezhaeva, T.V. (2013) Pravoslavnyy landshaft taezhnoy Sibiri: kontseptsiya issledovaniya [The Orthodox landscape of Siberia: The concept of research]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Research*. 1. pp. 79–90.
 7. Baturin, S.P. & Baturina, T.V. (2012) Rol' blagotvoritel'nogo fonda imeni imperatora Aleksandra III v tserkovnom stroitel'stve v Sibiri v period massovykh krest'yanskikh pereseleniy v kontse XIX – nachale XX veka [The role of the charity fund named after Emperor Alexander III in the church construction in Siberia during the period of mass peasant resettlements in the late 19th – early 20th centuries]. *Sotsiologicheskyy vestnik*. 2(9). pp. 59–67.
 8. Vladimirov, V.N. & Sarafanov, D.E. (2014) Dukhovenstvo prikhodskikh tserkvey goroda Barnaula vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. [Clergy of parish churches in Barnaul in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Altai State University Journal*. 4-1(84). pp. 52–58.
 9. Ivanov, K.Yu. (1997) Staroobryadcheskie migratsii i Tomskiy kray [Old Believer migrations and the Tomsk Territory]. In: Volchek, V.A. (ed.) *Iz istorii osvoeniya yuga Zapadnoy Sibiri russkim naseleniem v XVII – nachale XX vv.* [From the History of the Development of the South of Western Siberia by the Russian Population in the 17th – early 20th centuries]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. pp. 57–64.
 10. Baturin, S.P. & Baturina, T.V. (2014) Konfessional'nyy faktor krest'yanskikh pereseleniy v Sibir' v kontse XIX – nachale XX vv. [Confessional factor of peasant resettlements in Siberia in the late 19th – early 20th centuries]. *Sotsiologicheskyy vestnik*. 1(13). [Online] Available from: http://vuzirossii.ru/publ/istoriya_filosofiya/konfessionalnyy_faktor_krest'yanskikh_pereseleniy_v_sibir_v_kontse_xix_nachale_khkh_veka/42-1-0-3433.
 11. Dutchak, E.E., Kim, E.A. & Burkun, A.O. (2015) Krest'yanskaya obshchina i staroobryadcheskiy skit: formula prityazheniya [The peasant community and the Old Believer skit: The formula of attraction]. In: Potekhina, E. & Kravetskiy, A. (eds) *Pravoslavnaya kul'tura vchera i segodnya* [Orthodox Culture Yesterday and Today]. Olsztyn: Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie. pp. 235–251.
 12. Panchenko, A.A. & Bogdanov, K.A. (2015) “Teorii zagovora”, istoriya kul'tury i russkaya literatura [“Conspiracy theories”, the history of culture and Russian literature]. *Russkaya literatura*. 4. pp. 8–13.
 13. Skripkina, T.P. (1997) *Psikhologiya doveriya (teoretiko-empiricheskiy analiz)* [Psychology of trust (theoretical and empirical analysis)]. Rostov on Don: Rostov State Pedagogical University.
 14. Cassirer, E. (1998) *Izbrannoe. Opyt o cheloveke* [Selected Works. Experience about a Person]. Moscow: Gardarika. [Online] Available from: <http://sun.tsu.ru/limit/2016/000038640/000038640.djvu>.
 15. Hosking, J. (2002) Pochemu nam nuzhna istoriya doveriya [Why do we need a history of trust]. *Vestnik Evropy*. 7–8. [Online] Available from: <http://magazines.russ.ru/vestnik/2002/7/hosking.html>.
 16. Voroshilova, A.S. (2016) Noncanonical conduct" of clergy of migrants' parishes: causes and specifics. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 403. pp. 28–33. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/403/5
 17. The Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 821. List 133. File 90.
 18. Seleznev, F.A. (n.d.) Rol' burzhuzii v organizatsii vserossiyskikh staroobryadcheskikh s'ezdov v Nizhnem Novgorode [The role of the bourgeoisie in organizing all-Russian Old Believer congresses in Nizhny Novgorod]. [Online] Available from: http://www.bogorodsk-noginsk.ru/starover/27_roly.html.
 19. The Russian State Historical Archives (RGIA). Fund 796. List 442. File 2305.
 20. Dutchak, E. & Vasilyev, A. (2016) Breathing life into rare book collections: the Digitisation of the Taiga Skit Old Believers' Library. *Libri. International Journal of Libraries and Information Services*. 65(4). pp. 313–326. DOI: 10.1515/libri-2016-0010
 21. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 170. List 2. File. 3386.
 22. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 170. List 7. File 115.
 23. Ivanov, K.Yu. (1998) [The role of the church school in the struggle against the Old Believers in the Tomsk diocese in the late 19th – early 20th centuries]. *Mir staroobryadchestva. Vyp. 4. Zhivye traditsii: Rezul'taty i perspektivy kompleksnykh issledovaniy russkogo staroobryadchestva* [World of Old Believers. Issue. 4. Living traditions: Results and prospects of complex studies of the Russian Old Believers]. Proc. of the International Conference. Moscow: ROSSPEN. pp. 310–314. (In Russian).
 24. Pril, L.N. (n.d.) *Istoriya tomskogo staroobryadchestva: episkopy i obiteli* [The history of the Tomsk Old Believers: Bishops and monasteries]. [Online] Available from: <http://cdnito.tomsk.ru>.
 25. Dutchak, E.E. (2012) [“Save the flock in advance!”: The skete community under modernisation (1870 – 1930s)]. *Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost'* [Old Believers: History, culture, modernity]. Proc. of the Conference. Issue 14. Moscow. pp. 4–27.
 26. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 170. List 2. File 3226.
 27. The State Archives of Tomsk Region (GATO). Fund 170. List 1. File 2763.
 28. Shigapov, S.R. (2016) The Soviet Authority and Old Believers: The development of relations in 1920-1930s (a case study of Tomsk county). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 3(41). pp. 44–50. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/41/6